

Дьячкова Альбина Николаевна**Dyachkova Albina Nikolaevna**

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Северо-восточного федерального университета
имени М.К. Аммосова

PhD in History,
Assistant Professor,
Russian History Department,
North-Eastern Federal University

**ФОЛЬКЛОРНЫЙ ОБРАЗ
ТЮРКСКОГО МИФА ОБ ОГУЗ-ХАНЕ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ
Г.В. КСЕНОФОНТОВА**

**FOLKLORE IMAGE OF TURKIC MYTH
ABOUT OGHUZ KHAN
IN THE STUDIES OF
G.V. KSENOPHONTOV**

Аннотация:

Г.В. Ксенофонтов – исследователь этногенеза и этнической истории народа саха, в центре внимания которого находились фольклорно-мифологические сюжеты. В статье рассматривается концепция ученого о главных мифологических образах праотцов скотоводческих народов Евразии на примере легенд об Огуз-хане, широко распространенных у тюркских этносов.

Ключевые слова:

Г.В. Ксенофонтов, тюркские народы, якуты, мифы о первопредках, Огуз-хан, Чингисхан, Омогой-бай, Эллэй.

Summary:

G.V. Ksenofontov is a researcher of the ethnogenesis and ethnic history of the Sakha people. He concentrated his attention on folklore and mythology. This article reviews the scientist's concept of the main mythological images of the ancestors of Eurasian cattle-breeding peoples by case study of legends about Oguz Khan that are widely spread among the Turkic ethnic groups.

Keywords:

G.V. Ksenofontov, Turkic peoples, Yakuts, myths about the ancestors, Oghuz Khan, Genghis Khan, Omogoy Bay, Elley.

Гавриил Васильевич Ксенофонтов относится к числу широко известных этнографов Сибири. На основе полевых записей, собранных им в 1920-х гг. со всех округов бывшей Якутской области, Бурятии и Хакасии, создан солидный фонд текстов мифов, легенд и исторических рассказов по шаманству, культуре, верованиям народов Восточной и отчасти Южной Сибири [1]. Отдельно Г.В. Ксенофонтовым был собран цикл легенд и сказаний о первопредках народа саха (самоназвание якутов) – об Омогое и Эллэе – и объединен в отдельный сборник, который был подготовлен автором к публикации и снабжен обширным теоретическим введением. В 1937 г. сборник был принят издательством «Безбожник» в Москве, но в связи с репрессией автора в 1938 г. не вышел в свет. В том же году Г.В. Ксенофонтов был обвинен в шпионаже и расстрелян, а в 1957 г. был полностью реабилитирован. Сборник был издан только в 1977 г., но без теоретического введения [2].

Материалы «Эллэйады» должны были лечь в основу второго тома монографии ученого «Ураангхай сахалар», посвященной происхождению основного этнического состава якутов центрального Амгино-Ленского междуречья. Вопросы этногенеза виллюйских и северных якутов подняты и освещены Г.В. Ксенофонтовым в первом томе «Ураангхай сахалар», который был издан в Иркутске в 1937 г. в объеме 46 печатных листов.

В основу преданий об Эллэе и Омогое положен древний мировой сюжет о невинно гонимых божественных героях-близнецах. Название сборника («Эллэйада») и его содержание чем-то напоминало рассказы Гомера о Троянской войне, а сюжеты о бегстве Эллэя и путешествии Омогоя вызывают в памяти странствия Одиссея. Оставалось теперь «найти свою Трои!» [3, с. 6]. Основное содержание «Эллэйады» – цикл легенд об Омогое и Эллэе – является, по мнению Г.В. Ксенофонтова, органической частью мотива сказаний о «царе» Тыгыне, предводителе Хангаласского улуса [4]. Своей нижней точкой эта легендарная генеалогическая сетка перевернутой пирамиды опирается в образ древнего патриарха Эллэя [5, с. 16].

Во втором томе «Ураангхай сахалар» также решались задачи раскрытия содержания эллэевского цикла мифов и исторических рассказов и установления его ближайших историко-типологических корней. Эти материалы – цикл легенд об Омогое и Эллэе – должны были стать оригинальной частью цикла сказаний о «царе» Тыгыне, представленном предком якутских родов основных улусов Центральной Якутии и Виллюя. При этом у автора порой исчезала грань между действительными явлениями в истории и вымыслом, предания «старинны заветной» воспринимались им как историческая быль.

За смиренным образом Эллэя должна была скрываться какая-то серьезная религиозно-политическая идеология древнего пастушеского общества, а именно миф о чудесных найденных и гонимых героях, из которых происходят потом благодетели рода человеческого того или

иного племени. Эллэевский миф (предание) был перенят якутами у своих уйгурских предков, которым он достался от более ранних насельников Монголии, в частности от хуннов [6, л. 30–58]. Исследователь, поясняя это, писал, что мифологические образы, подобные Эллэю, когда-то были присущи героическому эпосу многих народов Азии и Европы и восходят к остаткам религиозных воззрений, свойственных передвижному хозяйству, господствовавшему в отдаленные исторические эпохи повсюду в пределах евразийских степей [7, л. 56].

В теоретическом введении к «Эллэйаде» Г.В. Ксенофонтов проводит типологическое сравнение якутских исторических легенд с западно-тюркской легендой об Огуз-хане. Здесь Огуз-хан, так же как и Эллэй, проводник новой религии. При этом в повествовании действуют красивая и некрасивая невесты. Первая, как в сюжетах Ветхого Завета, ведомая ревностью из-за того, что он женится на дурнушке, причиняет зло Огуз-хану. От него рождаются шесть сыновей и 24 внука, и Огуз-хан становится предком всех тюркских племен. По мнению Г.В. Ксенофонтова, сюжет аналогичного характера составляет основное содержание «Эллэйады» [8, л. 79–80]. Тыгын, потомок Эллэя, в якутских легендах представлен не только прародителем Хангаласского улуса (во всех наслагах улуса – потомки его сыновей), но также и Таттинского улуса. Кроме того, все вилюйские якуты являются потомками 3–4 внебрачных сыновей Тыгына.

Подобное сравнение подводит Г.В. Ксенофонтова к мысли, что образ Огуз-хана объединил в себе два мифологических образа: праотца всех тюрков и позднейшего царя-завоевателя. А в легендарной истории народа саха эти образы, как уверяет автор, нашли отражение не в одном, а в трех лицах: Омогой-бае, Эллэе (эпоха «патриархов») и Тыгыне («царская» эпоха, образ царя-завоевателя). Все это позволило Г.В. Ксенофонтову говорить о глубоком архаизме легендарного цикла, заложенного в основу «Эллэйады». Исследователь подошел к выводу о том, что якуты через тогуз-уйгуров унаследовали религию и мифологию древних хуннов [9, л. 84].

Разбирая фольклорные материалы Г.В. Ксенофонтова, составившие содержание его сборника «Эллэйада», отметим, что его идею о происхождении основной группы саха (населения центральных районов Амгино-Ленского региона Якутии) от древних уйгуров Прибайкалья следует признать близкой к истине. Это находит подтверждение в языковом материале. Якутский язык, по Н.А. Баскакову, входит в восточно-хуннскую ветвь, куда входил уйгуро-огузский язык [10, с. 53]. Г. Вамбери, венгерский тюрколог, неоднократно писал о близком родстве якутов с древними уйгурами, что являлось результатом сравнительного изучения их языков. По его словам, наречие якутов, что касается звуковых отношений, форм и запаса слов, удивительным образом приближается к подлинно уйгурскому [11, S. 148]. В связи с этим отметим, что о гуннских истоках в якутской культуре писали А.И. Гоголев, С.В. Иванов, Д.Г. Савинов [12].

Возвращаясь к Г.В. Ксенофонтову, уточним, что он опирался на идею уйгурского происхождения якутской знати и что предки саха унаследовали элементы политического строя древнеуйгурского государства IX–X вв. [13, с. 7]. Кроме того, вопрос о древнеуйгурских элементах в традиционной культуре якутов рассматривался А.И. Гоголевым [14, с. 37–38]. Л.Н. Герасимова обнаружила весьма близкие мотивы в якутском эпосе «Нюргун Боотур Стремительный» и уйгурском «Огузнаме». Она пришла к выводу, что в эпических традициях уйгурского и якутского народов существовали типологические схождения, основанные на общих идеалах [15, с. 73]. Наиболее сложным представляется определение происхождения легендарного мотива в якутских исторических преданиях, а именно присутствие в них западно-тюркского эпического мотива об Огуз-хане.

Данной проблеме посвящена статья казахского профессора Ж.О. Артыкбаева «Ағам Оғус в мифологии саха: историческая ретроспектива». Для интерпретации этого образа в якутском фольклоре автор использовал казахские исторические предания об Огуз-хане. Он отмечал, что впервые имя Огуз было зашифровано у саха. А в казахских преданиях об Огуз-хане он известен под именем *Уыз-хан*. В результате он приходит к выводу о том, что «в казахских сказаниях Ағам Оғус – родоначальник, культурный герой...» [16, с. 18]. В этом плане казахский Огуз-хан, как и якутский Эллэй, выступает предком народа и культурным героем, с которым связаны такие новые явления в культуре, как празднование в июне начала якутского нового хозяйственного года – ысыах, изготовление культовых деревянных сосудов для кумыса, чоронов, и основание новой религии. В среднеазиатских и казахских преданиях одним из основных сюжетов является вражда между отцом (Кара-ханом) и сыном (Огуз-ханом) [17, с. 20]. А в якутских исторических рассказах данный сюжет оформлен в виде вражды между первым переселенцем на Среднюю Лену Омогоем и приплывшим к нему позднее Эллэем.

Обращает на себя внимание повторяемость фрагментов центральноазиатского мифологического сюжета: во-первых, мотив, связанный с праотцом народов и его религиозным учительством (проводник новой религии); во-вторых, легенды о восхождении великих правителей типа Огуз-хана и Чингисхана, берущих свое начало с эпохи ранних и средневековых кочевников степей, со скифо-сибирского периода.

В связи с этим следует обратить внимание на повторяемость деталей сюжета в якутских, монгольских и казахских мифах о будущих предводителях народов-племен, связанных с рекой и пусканием героями время от времени вниз по реке перьев пернатых. Повторяемость общих моментов наблюдается также и в том, что легендарные предки казахов *Карабай* и *Сарыбай* (у якутов – Омогой-бай и Эллэй) «от родов своих откочевали, от сородичей насилия потерпев, в далекую-далекую землю перекочевали... к Курдыму-устью» [18, с. 51]. В других казахских легендах о Чингисхане говорится, что он матери сказал следующее: «Пойду вверх по реке и буду время от времени пускать по реке перья, по ним будете знать, что я живой» [19, с. 38–40]. Так и Эллэй пускал с верховьев Лены вниз по течению перья, которые приплывали к Омогою, жившему на территории современной Центральной Якутии.

Кроме того, Г.В. Ксенофонтов в писанных монгольских сказаниях о Чингисхане и его роде нашел все конститутивные элементы эллэевских сказаний [20, с. 68]. К этим же аналогичным сюжетам он относил и образ Огуз-хана, как бы прародителя тюрков. А по мнению Ж.О. Артыкбаева, «в казахских сказаниях Ағам Оғус – родоначальник рода, культурный герой...» [21, с. 19].

Как видно из вышеприведенных материалов, Г.В. Ксенофонтов заложил источниковедческую и теоретическую основу формирования научной фольклористики и якутской профессиональной этнографии, продолжив тем самым традиции, заложенные русской академической наукой XVIII–XIX вв. и местными научными силами в этой области в лице ученых-самоучек из числа ссыльных народников. Будучи исследователем с широким научным диапазоном, с глубокими познаниями в области древней истории, религии и мифологии народов Востока, Г.В. Ксенофонтов одним из первых разработал и использовал в своих трудах методологию и методику сравнительно-исторического изучения богатого фольклорного наследия народа саха и мифологии номадов Центральной, Передней (Западной) Азии и античных стран.

Юрист, общественно-политический деятель Якутии первой четверти XX в., ученый, выпускник Императорского Томского университета (юридический факультет, выпуск 1913 г.), исторического факультета Иркутского государственного университета (1920–1922 гг.), где одновременно работал ассистентом, Г.В. Ксенофонтов достойно продолжил идеи своих учителей в сибироведении – Г.Н. Потанина, И.М. Ядринцева и Э.К. Петри. В его работах много противоречивых, не до конца развитых и понятных идей. Ученый в совершенстве владел русским языком, научный стиль изложения его был безукоризнен, однако писал он сложно. Это относится и к представленному нам мифологическому образу Огуз-хана. Однако даже с учетом этого его подход к исследованию данного образа и сейчас представляет научный интерес.

Ссылки и примечания:

1. Ксенофонтов Г.В.: 1) Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов. Ч. I. Иркутск, 1929 ; 2) Шаманизм. Избранные труды. (Публикации 1928–1929 гг.) / сост. и авт. предисл. А.Н. Дьячкова. Якутск, 1992.
2. Ксенофонтов Г.В. Эллэйада. М., 1977.
3. Окладников А.П. «Эллэйада» Г.В. Ксенофонтова // Ксенофонтов Г.В. Эллэйада. С. 6.
4. Следует вспомнить слова академика А.П. Окладникова, приведенные в его популярной работе «Открытие Сибири» (М., 1974) о том, что в конце XVI в. в Сибири были два царя: в Западной – Кучум-хан, на востоке – Тыгын-тойон.
5. Ксенофонтов Г.В. Эллэйада. С. 16.
6. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 30–58.
7. Там же. Л. 56.
8. Там же. Л. 79–80.
9. Там же. Л. 84.
10. Баскаков Н.А. Тюркские языки. М., 1960. С. 53.
11. Vambery H. Das Turkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig, 1885. S. 148.
12. Гоголев А.И. Отражение истоков хуннского времени в якутской культуре // Вестник СВФУ им. М.К. Аммосова. 2014. № 1, т. 11. С. 60–85 ; Иванов С.В. К вопросу о хуннском компоненте в орнаментике якутов // Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975. С. 174–183 ; Савинов Д.Г. Дотюркский пласт в палеоэтнографии якутов // Сибирский сборник 2. СПб., 2010. С. 78–84.
13. Парфенова О.А. Харизма Тыгына в мифах саха. Якутск, 2016. С. 7.
14. Гоголев А.И. Якуты: проблемы этногенеза и формирование культуры. Якутск, 1993. С. 37–38.
15. Герасимова Л.Н. Некоторые общие мотивы уйгурской версии у «Огузнаме» и якутского олонхо К.Г. Оросина «Нюргун Боотур Стремительный» // Сравнительное изучение тюрко-монгольских эпосов. Якутск, 2015. С. 73.
16. См.: Артыкбаев Ж.О. Ағам Оғус в мифологии саха: историческая ретроспектива // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 2 (15). С. 17–24.
17. Там же. С. 20.
18. Артыкбаев Ж.О. Казахская эпическая поэма «Козы Корпеш – Баян сулу»: саха-казахские мифо-исторические параллели // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 2 (11). С. 49–56.
19. Ксенофонтов Г.В. Скифский миф о праотце народов и учителя. Якутск, 2012. С. 38–40.
20. Там же. С. 68.
21. Артыкбаев Ж.О. Ағам Оғус в мифологии саха ... С. 19.